

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ПРЕССА...

За советское искусство, 1989-1990гг.

(См. также: Начало на 1-м стр.)

Любительно и высокомерно горчит, что «Спящая», которую нам показывают денди-группы, со всеми ее миллион старинными чертами — фантазмами, белыми перчатками, париками, тщательно омартеризованными придорными — настолько лишена мимических сцен, которые могли бы ярко очертить борьбу добра и зла. Что с ними сделали! Вырезали, вычленили для того, чтобы дать простор танцу! Скорее всего. Надо признаться, что танец здесь настолько выше всего, что мы едвали за много лет на сцене Кеннеди-Центра, что малышка погрешности можно и простить.

В среду труппа, по-моему, не только оправилась от скважины премерии: танец стал теплее, раскрепощеннее, щедрее и милее. Особое удовольствие доставили фан Пролога. Татьяна Терехова — танцовщица, которая чуть реагирует на восторг публики, и этого восторга она получила сполна. Терехова — женщина небольшого роста, но танцует она широко, можно только догадываться, сколь трудную хореографию она танцует, но танцует легко. Ее Розовое единство — особенно триумфально, танец в целом был царственным. Кирилл Мельников — принц Деэзир, в которого легко влюбиться. Он обладает горделивой линией, прекрасной манерой двигаться. Он — внимательный партнер и всегда делает вид, что приземлился точно в пятку, хотя это и не всегда происходит.

Л. Кунакова и В. Цветков танцевали дуэт весьма выразительно...

Соведник в дуэте Л. Лежнев и Ф. Рузметова означает поставить рядом пушину и фейерверк, однако этот дуэт вызывает интерес. Прекрасно сложенная, тонкая и утонченная Лежнев не танцует, но ее танец — это свобода и непосредственность. Особенно это ощущается в 1-м акте, где ее танец на протяжении и неуверенный. Но в последнем акте, где ее партнер был полнее страстным кавалером, она стала настоящей Принцессой. Рузметова принадлежит к тому типу танцовщиц, которые и проходу могут превратить в танец. Он двигается с удивительной мягкостью, ему не нужна золотая пудра для волос, чтобы привлечь и свое внимание и зрителей. Энергия и сила его танца (хотя иногда и неточного) уже делает его премьером. В остальных партиях: Кунакова протравила свою радость Фео Сирием, Е. Панкова — Принцессу Флорину, А. Гарбуз — воздушную Голубую Птицу.

(«Вашингтон Пост». «Спящая» просматривается. АЛЕКСАНДРА ТОМАЛОНИС. 28 июля 1989г.)

«Корсар» Кировского театра как раз тот спектакль, который, являясь редкостью и шедевром, возмужает и радуется. Спектакль имел огромный успех — ожила легенда Петипа в своей полной версии. С моей точки зрения, «Корсар» более чем какой-либо другой балет в репертуаре труппы позволил раскрыть ее возможности, разнообразить ее потенциалы. Труппа, славящаяся своим стилем и элегантностью, достигла в данном случае полного союза блестящей техники и тонкой поэзии. Но в спектакле есть нечто большее, нежели красота движений, балет — это еще и театр. Игру актеров была остроумной, электизирующей и своеобразной. Такое не часто встретишь в других труппах мира. В балете, как говорят, есть все для всех: те, кто превращает в идол чистое движение, нашли в

балета прекрасные жемчужины стиля Петипа. Те, кто воспринимает балет как театр, нашли в этом еще больше удовлетворения. В Кеннеди-Центре это, пожалуй, самое яркое впечатление из области театра в целом. Есть в спектакле и байроническая жемчужина: подробность и ярость рассказа, тот нерв, который необходим для любого романтического повествования. Без него балет мертв. Балет, естественно, избегает сложности и мрачности байронического стиля, но ведь это и другой жанр. Пролог, сцена превращения, благодаря ульянам мастеров, в бумажное море. Эпизод снова перенес нас на водную стихию, создав своего рода раму для спектакля. А. Асылмуратова цвел Виталий Цветков, греческой девичью, на долю которой выпало немало испытаний. Высокие arabesques и атлетичность поведенья. Шары и редкая красота создали атмосферу магического приговора во всех сценах, где она появлялась. Индивидуальность танцовщицы настолько сильна, что Нефь, благородный и щедрый корсар, почти исчезал, когда они танцевали вместе. Бурными аплодисментами наградили танцовщицу за ее тройные фуэте, редкое равновесие и смелость танца. Самым большим удивлением было для нас превращение традиционного па-де-де в па-де-трое: Медора, Али, Конрад. Танец Ф. Рузметова не напомнил нам, что Кировский дал миру не только классический танец как таковой, но и Рудольфа Нуреева — абсолютную революцию в мире мужского танца. На спектакле захватывало дух, танец Рузметова отличался чувственностью. Мускулистая грудь, длинные ноги, бросающие вызов земному притяжению, а руки, нередко полные молнии и покорности. Он разрезал воздух, танцуя с Медорой и Конрадом, и для них замирал у их ног в конце па-де-трое, излучавшего свет и огонь...

(«Вашингтон Таймс» ОКТЯВИО РОКА. «Корсар» ослепляет, дарит радость... 3 августа 1989г.)

Новый состав в «Корсаре» в среду показал нам блестящие танцевальные возможности труппы и иные драматические акценты в блестящей Кировской постановке. Кордебалет был великолепным, вечер оставил чувство все растущей любви к этому театру Петипа. Эльдар Алиев выступил в роли Конрада, главного персонажа поэмы Байрона: мужественность и бравадность, словно бросающая вызов самому дьяволу. В то время, как Нефь в этой роли проявил себя лишь как надежный партнер и элегантный танцовщик, Алиев захватил сцену. Стало ясно, почему этот Конрад в равной степени завладал чувствами и Медору, и Али. Кирилл Мельников, страстный молодой Поэт в «Шопениана», сделал некое намеки на то, кем бы мог стать в партии Али, но в нем не было кошмарной мягкости и страстности Фаруха Рузметова. Вместо того, чтобы показать преданность и подчиненность Али, Мельников, казалось, хотел просто получить познаниями с с Медорой, и с Конрадом. И все же: он очень музыкальный танцовщик, его нежность и избыточность сил молодости не были лишены шарма, и поклонники полюбят его. У Татьяны Тереховой Медора была холодной и черствой, а в дуэтике трогательная и двучиской покорности и страсти в сцене рынка, но она менее захватывала по мере

того, как развивались события. В свои лучшие моменты танца на пальцах и протяженностью линий Терехова напоминала на своих советских предшественниц, а американскую балерину Синтию Григори...

Любовь Кунакова не была столь утонченной, как Елена Панкова, но вызвала восхищение своей техникой. Трио оданиско — Ж. Аюпова, И. Чистякова и В. Иванова — вызвали зрители восторг у публики в одной из замечательных и драгоценных сцен балета...

Во вторичи Заклинский был фантастически забавен в роли Ланкеда. Трудно было смотреть на кого-либо еще, когда он появлялся на сцене. В среду танцевал в роли Ланкеда, виртуозный танцовщик, которому нужно, однако, больше остроумия на сцене. Его партнерша с Кунаковой была одной из высших точек вечера. Дмитрий Корнев создал сложный, захватывающий образ Биркито, друга-врага. Его мазурка с pistolante в ансамбле с пиратами, вероятно, рождена уже в советское время: она возникает неожиданно и становится так торжественно, что заслужила аплодисменты зала от всего сердца.

Наше восхищение художественным руководителем труппы Олегом Виноградовым, сумевшим сохранить и отладить стиль Петипа, росло вместе с успехом спектакля. Магия этого спектакля огромна — от бумажного моря Пролога до титанского путешествия в финале, от шума и толчен рынка до гипнотической красоты в 3-м акте.

О таком кордебалете можно лишь мечтать, особенно в вальсе Далиба. Безупречно дирижировал балетом Федотов.

(«Вашингтон Таймс» ОКТЯВИО РОКА «Корсар» — все это впечатляет. «Однородный сад» просто захватывает дух. Интересно, что знаменитое па-де-де — на самом деле па-де-трое. Исторические исследования показывают, что есть на то причины: герой в ту пору не танцевал, и прозорливый хореограф придумал верного друга, Али, одел его в эротический костюм и сочинил для него замечательную вариацию. Труппа и ее кордебалет блистали и в другой жемчужине — «Ожогленном саде», который прославляет традиции и чистоту стиля Кировского театра. Трио оданиско исполнено с блеском и отточенностью В. Ивановой, И. Чистяковой и Ж. Аюповой. Зал взорвался аплодисментами, когда на сцене появилась Асылмуратова —

с дивным музыкальным ощущением материала, с поразительной свободой, которая в то же время делает честь классическому танцу. В роли Али выступил Фарук Рузметов: зал неистовствовал, как это было и при появлении танцовщицы в «Спящей красавице». Его техническая виртуозность, кажется, приходит из ниоткуда: так легко делает он труднейшие движения без всякой видимой подготовки к ним. Выступил и виртуозист Е. Нефь был полон уважения к даме и достоинству кавалера. Елена Панкова одарила танец Голубую исполнителем блеском и точностью. Виталий Цветков сам получил удовольствие от исполнения роли Ланкеда: он клялся, негодовал, хохотал, улыбался, горестовал. Театр был переполнен... нет сомнения, что и в следующий вечер повторится то же.

(«Сан-Франциско Кроникл» ЭЗЕРЛИН ТАКЕР. «Огромный восторг Кировского». 16 августа 1989 г.)

НА СНИМКАХ: сверху — Ю. Махалина — Фео Сирием, Е. Панкова — Аврора, К. Мельников — Деэзир («Спящая красавица»).

Внизу — А. Асылмуратова и К. Заклинский в спектакле «Жизель».